

Д.Х. Валеев

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА

Монография

УДК 347.9
ББК 67.410.1
В15

Валеев, Дамир Хамитович.

В15 Поведенческая теория гражданского судопроизводства : [монография] / Д. Х. Валеев. — Москва : Статут, 2026. — 152 с.

ISBN 978-5-8354-2206-7 (в пер.)

В книге обосновывается необходимость отказа от абстрактной модели *homo economicus* в гражданском процессуальном праве. Рассматриваются основные положения поведенческого анализа права (Behavioral Law and Economics) и его рецепция в российской процессуальной науке. Делается вывод о системном характере когнитивных искажений в гражданском судопроизводстве и необходимости формирования целостной поведенческой теории гражданского процесса.

Для широкого круга читателей, интересующихся вопросами психологии судебного процесса, а также практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов.

УДК 347.9
ББК 67.410.1

ISBN 978-5-8354-2206-7

© Д.Х. Валеев, 2026
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Эта книга родилась из одного простого наблюдения, которое, наверное, знакомо каждому, кто хоть раз сидел в зале суда не как сторонний наблюдатель, а как человек, от исхода дела которого что-то по-настоящему зависело: закон один и тот же, а результаты — разные. И дело не в том, что судьи недобросовестны, а юристы недостаточно квалифицированы. Дело в том, что за текстом каждой процессуальной нормы стоит живой человек — со своей усталостью, со своей склонностью верить первому впечатлению, со своей естественной потребностью выстроить из разрозненных фактов связную историю еще до того, как прозвучит последнее слово.

Более ста лет назад Л.И. Петражицкий писал о праве как о переживании, а не только как о тексте закона. Мы не всегда об этом помним, читая Гражданский процессуальный кодекс постатейно, параграф за параграфом. А между тем современная наука — от исследований судейских решений в Германии до исследований о работе алгоритмов в американских судах — раз за разом подтверждает то, что отечественная процессуальная мысль интуитивно нащупывала задолго до появления самого термина «поведенческая экономика»: судья, оценивающий доказательства по внутреннему убеждению, — не идеальная вычислительная машина, а человек, для которого случайно названное число способно незаметно сдвинуть представление о справедливой сумме компенсации.

Эта книга — попытка честно посмотреть на то, что происходит с человеком внутри процессуальной формы. Не для того, чтобы поставить под сомнение саму форму — без нее нет права. А для того, чтобы понять, где эта форма уже сама, пусть и не называя вещи своими именами, защищает нас от собственной человеческой природы, а где — оставляет один на один с ней.

Мы будем говорить о судьбе, который вынужден удерживать в голове тысячи страниц дела и при этом оставаться беспристрастным. О сторонах, которые искренне верят в свою правоту сильнее, чем позволяют факты. О свидетеле, чья память — не видеозапись, а живой, изменчивый рассказ, который меняется от одного лишь выбора слова в вопросе. О коллегии судей, где младшему по опыту порой психологически проще согласиться с председательствующим, чем настоять на своем. И о восьми конкретных, выстраданных предложениях — что

можно сделать, чтобы закон стал чуть внимательнее к тому, как мы, люди, на самом деле думаем и решаем.

Я старался нигде не поддаться соблазну красивой, но недоказанной идеи. Там, где эмпирических данных не нашлось, а такие места в книге тоже есть, я говорю об этом прямо, а не выдаю догадку за установленный факт. Мне кажется, именно так и должна вестись работа, для которой человек — не абстракция, а главный предмет заботы.

Спасибо, что открыли эту книгу. Пусть она поможет увидеть в сухих строках Гражданского процессуального кодекса то, что там на самом деле есть с самого начала, — живых людей.

Казань,
лето 2026 г.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданское судопроизводство Российской Федерации в последние годы демонстрирует устойчивый количественный рост рассматриваемых судами гражданских дел. Суды общей юрисдикции рассмотрели по первой инстанции 20 773 356 гражданских дел в 2020 г. и 28,4 млн — в 2024 г. Кроме того, гражданское судопроизводство последовательно усложняется с технической точки зрения. Так, с 2018 г. действует обязательное аудиопротоколирование судебных заседаний (ст. 228 ГПК РФ), с 2019 г. — институт судебного примирения, с 2022 г. — участие в заседании путем веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ). Параллельно с этим руководство Верховного Суда РФ в 2025–2026 гг. поставило задачу ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта в работу судов, вплоть до впервые признанного использования нейросети при подготовке проекта постановления Пленума в апреле 2026 г. Все эти изменения затрагивают не только формально-юридическую сторону гражданского процесса, но и существенно влияют на психологические условия, в которых судья, стороны, представители, эксперты и свидетели воспринимают информацию, формируют убеждение и принимают процессуально значимые решения.

Одновременно официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ обнажает устойчивые, из года в год воспроизводящиеся диспропорции, необъяснимые исключительно догматическими средствами: крайне низкую востребованность примирительных процедур (0,43% дел, окончанных мировым соглашением, в 2019 г. — приложение 4, гл. 10 настоящей монографии) прикратно более высоком аналогичном показателе в арбитражных судах (менее 3% в 2019 г.); значительную долю отмен судебных решений, почти половина которых связана с нарушением норм материального права (гл. 14 настоящей монографии); систематическую повторяемость однотипных процессуальных ошибок при оценке заключений экспертов, зафиксированную в пяти самостоятельных актах Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ за один только 2022–2023 г. (гл. 4 настоящей монографии). Устойчивость и повторяемость подобных диспропорций — притом что они не могут быть объяснены недобросовестностью или недостаточной квалификацией конкретных судей и участников процесса — образует основной эмпирический вызов, на который отвечает настоящая монография.

Критика презумпции полностью рационального участника правоотношений имеет самостоятельную и продолжительную историю как в зарубежной, так и в отечественной науке. Понятие ограниченной рациональности введено Г. Саймоном еще в 1955 г. и систематически перенесено в правовую науку К. Джоллс, К. Санстейном и Р. Талером в 1998 г. (гл. 1 настоящей монографии). Отечественная научная традиция подошла к содержательно родственным вопросам самостоятельно путем и заметно раньше: психологическая теория права Л.И. Петражицкого (1907) и социологическая школа права С.А. Муромцева (1879) заложили методологические основания для анализа психологического и социального измерения права независимо от современной поведенческой экономики (гл. 1 настоящей монографии). Применительно к гражданскому процессу отечественная наука во второй половине XX в. самостоятельно и не оперируя понятийным аппаратом когнитивной психологии поставила вопрос о субъективном, психологическом факторе судейского убеждения — в работах М.А. Гурвича, Н.Б. Зейдера, Н.А. Чечиной, И.М. Резниченко и А.Г. Коваленко (гл. 11 настоящей монографии), — а также разработала самостоятельную доктрину эффективности правосудия, восходящую к первому монографическому исследованию А.В. Цихоцкого (1997) (гл. 14 настоящей монографии).

Тем не менее единой поведенческой теории гражданского судопроизводства так и не было создано. Поэтому целью данной книги является построение и последовательное применение на практике поведенческой теории гражданского судопроизводства — отдельного направления цивилистической процессуальной науки, изучающего закономерности фактического поведения участников гражданского процесса, которое систематически отклоняется от нормативной модели, предусмотренного гражданским процессуальным законодательством (§ 2 гл. 1 настоящей монографии).

Основополагающим выводом всей работы является критический анализ модели *homo economicus*, лежащей в основе классической гражданской процессуальной догматики, и обоснование альтернативной, человекоцентричной модели участника гражданского процесса.

Практическая значимость исследования состоит в систематизированной законодательной программе, изложенной в гл. 15 настоящей монографии, — восьми предложениях *de lege ferenda*, каждое из которых опирается на конкретный, самостоятельно проверенный эмпирический или доктринальный источник: от стандартизации требований к мотивировке оценки экспертизы (ст. 67, 86 ГПК РФ) и введения

преклюзивных сроков раскрытия доказательств (ст. 56 ГПК РФ) до закрепления запрета наводящих вопросов (ст. 177 ГПК РФ), дифференциации санкций за злоупотребление процессуальными правами (ст. 99 ГПК РФ) и методических стандартов, противодействующих групповому мышлению в коллегиальных составах суда. Отдельное практическое значение имеет предложение о включении основ когнитивной психологии судейского и экспертного восприятия в программу профессиональной переподготовки судей.

ЧАСТЬ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Глава 1. Теоретико-методологические основы поведенческой теории гражданского судопроизводства

§ 1. Критика концепции *homo economicus* в процессуальном праве

Традиционная доктрина гражданского права и гражданского процессуального права всегда строилась на презумпции рациональности участников гражданского оборота и судебного процесса¹. Предполагается, что истец, ответчик, свидетель и даже судья действуют как субъекты, преследующие собственную выгоду и способные объективно оценивать риски, объемы доказательств и правовые последствия — модель *homo economicus*, восходящая к классической политической экономии. В российской процессуальной доктрине эта презумпция находит выражение в принципе добросовестности. Законодатель возлагает на стороны обязанность добросовестно пользоваться своими процессуальными правами, молчаливо предполагая способность субъектов к рациональному и предсказуемому поведению².

Однако реальная судебная практика систематически демонстрирует отклонения от этой модели, причем подобная ситуация фиксировалась и в зарубежной доктрине задолго до формирования в нашей стране реального состязательного процесса. Истоки современного состояния науки необходимо искать именно там. Так, Г. Саймон еще в 1955 г. ввел понятие «ограниченной рациональности» (*bounded rationality*), показав,

¹ См.: Карпетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 42, 56, 87; Курочкин С.А. Экономический анализ гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 2. С. 10–46.

² См.: Решетникова И.В. Презумпция добросовестности в арбитражном процессе // Закон. 2017. № 9. С. 120–127; Лебедев М.Ю. Диффузия цивилистических принципов в гражданское процессуальное право (на примере принципа добросовестности) // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 244–260.

что реальные субъекты принимают решения в условиях неполной информации и когнитивных ограничений¹. А. Тверски и Д. Канеман (1974) установили, что отклонения от рационального поведения носят систематический и предсказуемый характер, что позволяет строить на их основе нормативные выводы для правового регулирования². Синтез психологии, экономики и правоведения породил дисциплину Behavioral Law and Economics (BLE), у истоков которой стоят К. Санстейн, Дж. Толлс и Р. Талер (2000)³. На эту тему есть и современные исследования в зарубежной доктрине⁴.

В российской процессуальной науке интерес к поведенческому измерению правосудия растет, однако остается преимущественно фрагментарным и основывается на общей теории психологии. Например, таковым является стандартный учебник по юридической психологии, лишь косвенно затрагивающий психологию судьи и оценки доказательств, подготовленный профессором М.И. Еникеевым⁵.

Таким образом, в науке российского гражданского процесса поведенческий анализ права остается практически не изученным — настоящее исследование является одной из первых попыток его систематического применения к институтам ГПК РФ. Особенно актуален сейчас комплексный анализ гражданского процесса через призму человеческого поведения — не как исключительных сбоев, а как структурных, воспроизводимых паттернов, обусловленных природой человеческого познания.

§ 2. Понятие, объект и предмет поведенческой теории гражданского судопроизводства

Поведенческая теория гражданского судопроизводства может быть определена как самостоятельное направление гражданской процессуальной науки, изучающее закономерности фактического, эмпирически

¹ *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // *The Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. № 1. P. 99–118.

² *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. 1974. Vol. 185. № 4157 (27 September). P. 1124–1131.

³ *Jolls C., Sunstein C.R., Thaler R.H.* A Behavioral Approach to Law and Economics // *Sunstein C.R.* (ed.) *Behavioral Law and Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 13–58.

⁴ *Teichman D., Zamir E.* Behavioral Economics and Court Decision-Making // *Review of Law & Economics*. 2021. Vol. 17. № 2. P. 385–418.

⁵ См.: *Еникеев М.И.* Юридическая психология. М.: Норма, 2021.

наблюдаемого поведения участников гражданского процесса — судей, сторон, представителей, экспертов, свидетелей, — систематически отклоняющегося от нормативной модели рационального, полностью информированного и добросовестного субъекта, заложенной в догматической конструкции процессуальных институтов, и разрабатывающее на этой основе предложения по совершенствованию процессуального регулирования.

Объектом поведенческой теории выступает гражданское судопроизводство как система процессуальных отношений между судом и участниками процесса, рассматриваемая не только в ее формально-юридическом, но и в ее психологическом и социальном измерении. Предметом поведенческой теории являются закономерности взаимодействия процессуальных институтов (принципов, норм, процедур) с систематическими когнитивными и социально-психологическими эффектами, влияющими на поведение участников процесса, — т.е. именно та область, которая остается за пределами традиционного догматического анализа, ограниченного вопросами о формальном содержании и системном месте процессуальной нормы. Данное определение предмета непосредственно детализировано в гл. 2 настоящей монографии через самостоятельную категорию «процессуальное поведение» с указанием ее признаков (психологическая опосредованность, систематичность отклонения, институциональная адресация коррекции) и структуры (когнитивный, волевой, действенно-результативный уровни).

§ 3. Методология: синтез догматики, когнитивной психологии и социологии права

Методологическое обоснование поведенческой теории требует ответа на вопрос о ее соотношении с уже сложившимися направлениями отечественной юридической науки, интегрирующими догматический анализ с внеюридическим знанием о праве. В.М. Сырых, разрабатывая целостную концепцию юридической науки, обосновывает представление о ней как о единстве трех составных частей: догмы права (традиционного нормативного анализа), социологии права (изучения фактического действия права в обществе) и общей методологии юридического познания¹. Поведенческая теория гражданского су-

¹ См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник по программам магистерской ступени образования. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 463 с.; Он же. Социология права: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2012. 470 с.

допроизводства может быть содержательно вписана в эту трехчастную структуру как специализированное развитие социологического компонента юридической науки применительно к процессуальному праву, дополненное специфическим методом когнитивной психологии, — т.е. не как отрицание, а как углубление уже существующей отечественной методологической традиции.

Данная традиция имеет для российской процессуальной науки глубокие исторические корни, не сводимые к современному заимствованию зарубежной поведенческой экономики права. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого, рассматривавшая право как особый класс этических эмоциональных переживаний, а не только как систему формально установленных норм, заложила методологическую традицию анализа субъективно-психологического измерения правового регулирования, изложенную в его фундаментальной работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907)¹. Параллельно социологическая школа права С.А. Муромцева обосновывала необходимость изучения права как фактически складывающихся общественных отношений, а не только как системы формально действующих норм², — методологическая установка, прямо созвучная предмету поведенческой теории в его определении, данном в § 2 настоящей главы. Показательно, что содержательно родственная, хотя терминологически самостоятельная отечественная традиция анализа психологического и субъективного измерения судебной деятельности прослежена в гл. 11 настоящей монографии на материале работ М.А. Гурвича, Н.Б. Зейдера, Н.А. Чечиной, И.М. Резниченко и А.Г. Коваленко — т.е. психологическая и социологическая школы права оказываются связаны не только с общетеоретическим основанием настоящей монографии, но и с самостоятельной процессуалистской традицией середины и второй половины XX в., изученной отдельно в гл. 11.

Соотношение поведенческой теории с более широко известным в отечественной цивилистике направлением экономического анализа права (*law and economics*)³ заслуживает отдельного методологического пояснения. Как отмечает Г.А. Гаджиев в статье, посвященной методологическому наследию Е.В. Васьковского, отставание

¹ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1907. С. 21–44.

² См.: Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 53–63.

³ См.: Каранетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016.

правового регулирования от темпов социально-экономического развития стало одним из факторов появления и распространения нового направления исследований правовых институтов с позиций экономической обусловленности права¹. При этом ограниченность классического экономического анализа права для целей гражданско-правового и процессуального регулирования проявляется в том, что он, опираясь на презумпцию максимизирующей собственную выгоду рационального субъекта, не способен непротиворечиво объяснить существование императивных норм, ограничивающих свободу волеизъявления участников оборота, включая запреты недобросовестного поведения². Поведенческая теория гражданского судопроизводства методологически расходится с классическим экономическим анализом права именно в этом пункте: она не постулирует рациональную максимизацию собственной выгоды в качестве исходной модели участника процесса, а, напротив, строится на эмпирически подтвержденном отказе от этой модели (§ 1 настоящей главы), что сближает ее с социологическим, а не с экономическим направлением правовой методологии. Тот же методологический разрыв с классическим экономическим анализом права отдельно прослежен в гл. 15 настоящей монографии применительно к институту оценки регулирующего воздействия (ОРВ) и содержательному наполнению поведенческой экспертизы процессуального законодательства.

Синтетическая методология поведенческой теории, таким образом, состоит из трех компонентов: (1) сохранение процессуальной догматики как исходной точки анализа — поведенческая теория не заменяет, а дополняет догматическое знание о содержании и системном месте процессуальной нормы; (2) привлечение эмпирического инструментария когнитивной психологии для выявления систематических, не случайных отклонений фактического поведения участников процесса от нормативной модели; (3) использование методологии социологии права для оценки институциональных последствий выявленных отклонений и формулирования предложений по совершенствованию процессуального регулирования — методология, примененная в гл. 15 настоящей монографии к построению систематизированной программы *de lege ferenda*.

¹ См.: Гаджиев Г.А. Е.В. Васьковский и современная цивилистическая методология // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 57–64.

² См.: Синицын С.А. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 4–17; Тихомиров Ю.А. Регулирующее воздействие: методики и опыт. М., 2016. С. 10–12.

§ 4. Постулаты и принципы теории: человекоцентричная модель процесса

Из изложенного вытекают следующие постулаты поведенческой теории гражданского судопроизводства. При этом необходимо подчеркнуть, что эти постулаты формулируются не как самостоятельные философско-правовые категории, а как методологический инструментарий. Развернутое изложение в качестве системы постулатов и принципов дано в гл. 3 настоящей монографии.

Первый постулат: ограниченной рациональности участников процесса. Суть его в том, что ни один участник гражданского процесса, включая профессионального судью, не обладает неограниченной способностью к безошибочной обработке информации. Систематические отклонения от идеальной рациональной модели поведения являются не признаком недобросовестности или недостаточной квалификации, а универсальным свойством человеческого познания. Данный постулат прямо опровергает традиционный вывод гражданской процессуальной науки, согласно которому профессиональный статус судьи или представителя сам по себе служит достаточной гарантией устранения когнитивных искажений. Эмпирические исследования показывают то, что профессиональный опыт судьи и судебного представителя способен снизить отдельные искажения, но не устраняет их полностью.

Второй постулат: институциональной компенсации. Поскольку когнитивные искажения не могут быть устранены путем обращения к добросовестности или профессионализму отдельного участника гражданского процесса, их негативные последствия могут быть компенсированы только на уровне процессуального института — распределения бремени доказывания, требований к мотивировке. Из этого постулата вытекает практическая ориентация всей настоящей монографии, так как критика того или иного процессуального искажения обоснована лишь тогда, когда она сопровождается предложением конкретного механизма его исправления.

Третий постулат: эмпирической проверяемости. Поведенческая теория гражданского судопроизводства строится исключительно на эмпирических данных из реальной судебной практики и экспериментальных исследованиях когнитивной психологии, а не умозрительных предположениях о психологии участников гражданского процесса. Данный постулат методологически наиболее строг и наиболее уязвим одновременно: он требует от поведенческой теории отказа от интуитивно правдоподобных, но эмпирически не подтвержденных объяснений

процессуального поведения, даже когда такие объяснения кажутся убедительными на уровне житейского здравого смысла.

Таким образом, на основе обозначенных постулатов формулируется человекоцентричная модель гражданского процесса как альтернатива классической догматической модели «рационального участника». В соответствии с этой концепцией судья, стороны и иные участники гражданского процесса рассматриваются как реальные, ограниченно рациональные субъекты, чье фактическое поведение является таким же законным предметом гражданской процессуальной науки, как и формальное содержание регулирующих их поведение норм.

§ 5. Место теории в системе науки гражданского процессуального права

Поведенческая теория гражданского судопроизводства не претендует на статус самостоятельной отраслевой науки. Она не конкурирует с наукой гражданского процессуального права, так как позиционируется как специализированное методологическое направление внутри гражданского процессуального права. Здесь видна аналогия с уже признанными направлениями, которые изучают отдельные аспекты гражданского процесса (сравнительное гражданское процессуальное право, история гражданского процессуального права). Отличительная особенность поведенческой теории гражданского судопроизводства — это предметная сосредоточенность на психологическом измерении традиционных процессуальных институтов, которые существенно дополняют традиционный догматический анализ норм. Данное позиционирование дополнительно обосновано в гл. 14 настоящей монографии через соотношение поведенческой теории и самостоятельной отечественной доктриной эффективности правосудия (А.В. Цихоцкий), которая сложилась независимо от поведенческой экономики права.

Такое позиционирование имеет и практическое значение для дальнейшего развития научной специальности: поведенческая теория не требует пересмотра паспорта научной специальности 5.1.3 (цивилистические науки) или создания отдельной специальности на стыке права и психологии — она может развиваться как признанное методологическое направление внутри существующей специальности, подобно тому как это уже произошло со сравнительным правоведением и историко-правовым направлением исследований. Одновременно ее междисциплинарный характер требует от исследователя, работающего в этом направлении, определенной психологической и статистиче-

ской грамотности, выходящей за рамки традиционной юридической подготовки, — методологическое требование, последовательно соблюдавшееся при подготовке всех глав настоящей монографии путем опоры на первоисточники соответствующих экспериментальных исследований, а не на их упрощенный пересказ в популярной литературе, и подкрепленное в гл. 15 настоящей монографии конкретным предложением о включении соответствующего материала в программу профессиональной переподготовки судей.

Последующие главы настоящей монографии демонстрируют применение изложенной здесь методологии: гл. 2 раскрывает категорию процессуального поведения и его структуру; гл. 3 систематизирует постулаты, принципы и пределы применимости поведенческого подхода; гл. 4–7 применяют методологию к фигуре судьи, сторонам, третьим лицам и профессиональным и иным участникам процесса; гл. 8–11 — к судебному доказыванию, поведенческому дизайну процессуальных инструментов, примирительным процедурам и судебному решению; гл. 12–13 — к цифровизации правосудия и искусственному интеллекту; гл. 14–15 — к эмпирической оценке поведенческой эффективности и к формулированию систематизированной законодательной программы.

Выводы

Критика конструкции *homo economicus*, разработанная в экономической теории Г. Саймоном и систематически перенесенная в правовую науку К. Джоллс, К. Санстейном и Р. Талером, образует теоретическое основание поведенческой теории гражданского судопроизводства. Методологически данная теория опирается не на разрыв с отечественной процессуальной традицией, а на ее углубление в рамках уже признанной трехчастной структуры юридической науки (В.М. Сырых), продолжающей психологическую (Л.И. Петражицкий) и социологическую (С.А. Муромцев) линии российской правовой мысли, — традицию, содержательно перекликающуюся и с самостоятельной процессуалистской школой изучения внутреннего убеждения суда, рассмотренной в гл. 11 настоящей монографии, — и принципиально отграничена от направления экономического анализа права, на ограниченность которого для целей императивного процессуального регулирования указывает и отечественная цивилистическая доктрина (Г.А. Гаджиев). Сформулированные постулаты ограниченной рациональности, институциональной компенсации и эмпирической проверяемости образуют методологическую рамку, последовательно применяемую

в последующих главах настоящей монографии к конкретным институтам гражданского процессуального права — от фигуры судьи и поведения сторон (гл. 4–7) до судебного доказывания, примирительных процедур и судебного решения (гл. 8–11), цифровизации правосудия и искусственного интеллекта (гл. 12–13), поведенческой эффективности и итоговой законодательной программы *de lege ferenda* (гл. 14–15). Тем самым настоящая глава выполняет не только самостоятельную теоретическую функцию, но и служит методологическим введением, без которого содержательные выводы остальных 14 глав настоящей монографии рисковали бы восприниматься как разрозненный набор эмпирических наблюдений, а не как связанная научная концепция.

Глава 2. Процессуальное поведение как правовая категория

§ 1. Понятие и признаки процессуального поведения

Категория «процессуальное поведение» до настоящего времени не получила в отечественной процессуальной догматике самостоятельного, отграниченного от смежных понятий (процессуальное действие, реализация процессуальных прав и обязанностей) содержания. Между тем именно эта категория образует непосредственный предмет поведенческой теории гражданского судопроизводства, определенной в гл. 1 монографии как направление процессуальной науки, изучающее закономерности фактического, эмпирически наблюдаемого поведения участников гражданского процесса, систематически отклоняющегося от нормативной модели рационального, полностью информированного и добросовестного субъекта.

Процессуальное поведение может быть определено как внешне выраженная, юридически значимая активность (либо, в предусмотренных законом случаях, бездействие) участника гражданского процесса, детерминированная не только содержанием процессуальных прав и обязанностей, но и системой психологических, социальных и организационных факторов, полностью не сводимых к формально-юридическому содержанию соответствующей процессуальной нормы. От смежного и более узкого понятия «процессуальное действие» данная категория отличается тем, что включает не только формально фиксируемый в материалах дела результат (поданное заявление, заданный вопрос, вынесенное решение), но и не всегда наблюдаемый

напрямую процесс его формирования — восприятие информации, оценку альтернатив, принятие решения о конкретной форме процессуальной активности.

Из изложенного вытекают три признака процессуального поведения, отличающие его как предмет поведенческого анализа от процессуального действия как предмета традиционного догматического анализа.

Признак психологической опосредованности. Всякое процессуальное поведение является результатом не только применения нормы к фактическим обстоятельствам, но и психологического процесса восприятия, оценки и выбора, совершаемого конкретным человеком — судьей, стороной, представителем, экспертом, свидетелем, — который в силу общих, эмпирически установленных закономерностей человеческого познания не является нейтральным передаточным звеном между нормой и результатом. Систематическая критика презумпции такой психологической нейтральности восходит к работе Г. Саймона, показавшего, что реальный субъект принятия решений действует в условиях ограниченной вычислительной способности («ограниченная рациональность», *bounded rationality*) и довольствуется первым удовлетворительным, а не оптимальным решением¹, и была систематически перенесена в правовую науку К. Джоллс, К. Санстейном и Р. Талером, выделившими наряду с ограниченной рациональностью ограниченную волю (*bounded willpower*) и ограниченный эгоизм (*bounded self-interest*) как самостоятельные направления отклонения реального поведения субъекта права от предпосылок его нормативной модели².

Признак систематичности отклонения. Процессуальное поведение как предмет поведенческого анализа имеет ценность не в его непредсказуемых, уникальных для конкретного случая отклонениях субъекта (которая остается предметом индивидуальной психологии и не поддается правовому регулированию), а в его статистически устойчивых, воспроизводимых отклонениях от нормативной модели — таких, для существования которых накоплена эмпирическая доказательная база. Так, эффект привязки к численно заданному, но формально не относящемуся к существу дела ориентиру статистически устойчиво воспроизводится в поведении профессиональных судей, что подтверж-

¹ *Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. No. 1. P. 99—118.*

² *Jolls C., Sunstein C.R., Thaler R.H. A Behavioral Approach to Law and Economics // Sunstein C.R. (ed.) Behavioral Law and Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 13—58.*

дено экспериментально на материале немецкой судебной системы¹, а систематическая переоценка вероятности успешного исхода дела статистически устойчиво воспроизводится в поведении практикующих юристов независимо от их профессионального стажа².

Признак институциональной, а не индивидуальной адресной коррекции. Поскольку систематическое отклонение поведения от нормативной модели, по определению данному выше, не является следствием недобросовестности или недостаточной квалификации конкретного участника гражданского процесса, оно не может быть устранено индивидуальным моральным увещанием и требует коррекции на уровне процессуального института — архитектуры выбора, в терминологии Р. Талера и К. Санстейна, определяющей условия, в которых совершается выбор участника процесса, безотносительно к формальному сохранению за ним свободы этого выбора³.

§ 2. Структура процессуального поведения

Трехкомпонентная структура поведения, которая выделяется в поведенческой теории гражданского судопроизводства, опирается на приведенную ранее классификацию К. Джоллс, К. Санстейна и Р. Талера. Согласно данной классификации необходимо выделить три направления отклонения реального поведения от предпосылок классической модели рационального субъекта:

- ограниченной рациональности;
- ограниченной воли;
- ограниченного эгоизма.

При перенесении данных категорий в сферу гражданского судопроизводства следует выделить три уровня процессуального поведения.

Когнитивный уровень охватывает человеческие процессы восприятия, интерпретации и оценки информации, которые предшествуют этапу формирования решения о конкретном варианте процессуаль-

¹ *Englich B., Mussweiler T., Strack F.* Playing Dice With Criminal Sentences: The Influence of Irrelevant Anchors on Experts' Judicial Decision Making // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32. P. 188–200.

² *Goodman-Delahunty J., Granhag P.A., Hartwig M., Loftus E.F.* Insightful or Wishful: Lawyers' Ability to Predict Case Outcomes // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2010. Vol. 16. No. 2. P. 133–157.

³ *Thaler R.H., Sunstein C.R.* Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven, 2008; рус. пер.: *Талер Р., Санстейн К.* Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

ного поведения. На этом уровне действуют системные когнитивные искажения мышления судьи: эффект привязки, эвристика доступности, ретроспективный детерминизм и подтверждающее искажение. Кроме того, применительно к оценке доказательств, действует эффект фрейминга — систематическое влияние формы, в которой предъявлена информация, на итоговую оценку ее содержания, установленное в классическом эксперименте А. Тверски и Д. Канемана¹. Также сюда относится и эффект порядка предъявления доказательств, изученный на модели «истории» присяжного заседателя Н. Пеннингтон и Р. Хейсти². К этому же уровню относится специфическая для процессуальных отношений закономерность конструктивной, а не репродуктивной природы свидетельской памяти, установленная в основополагающей работе Ф. Бартлетта³ и экспериментально конкретизированная применительно к юридически значимой ситуации допроса в исследовании Э. Лофтус и Дж. Палмера⁴.

Волевой уровень охватывает процессы самоконтроля и удержания однажды избранной процессуальной позиции, соответствующие категории «ограниченная воля» (*bounded willpower*) в классификации Джоллс, Санстейна и Талера. Ключевой закономерностью этого уровня выступает эффект невозвратных издержек (*sunk cost*), экспериментально установленный Х. Аркесом и К. Блумером: уже понесенные, объективно невозвратные затраты систематически повышают субъективную оценку целесообразности продолжения начатого предприятия, даже когда объективный анализ указывает на нецелесообразность продолжения⁵. Применительно к процессуальному поведению данная закономерность объясняет устойчивость стороны в поддержании объективно бесперспективной позиции по мере накопления понесенных на разбирательство судебных издержек — эффект, рассмотренный в гл. 10 настоящей монографии применительно к барьерам примирения.

¹ Tversky A., Kahneman D. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // Science. 1981. Vol. 211. No. 4481. P. 453–458.

² Pennington N., Hastie R. Explaining the Evidence: Tests of the Story Model for Juror Decision Making // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. No. 2. P. 189–206.

³ Bartlett F. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.

⁴ Loftus E.F., Palmer J.C. Reconstruction of Automobile Destruction: An Example of the Interaction Between Language and Memory // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1974. Vol. 13. No. 5. P. 585–589.

⁵ Arkes H.R., Blumer C. The Psychology of Sunk Cost // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1985. Vol. 35. No. 1. P. 124–140.

Действенно-результативный уровень охватывает собственно внешне выраженное процессуальное поведение и его непосредственные правовые последствия, включая случаи, когда расхождение между когнитивной или волевой предпосылкой и итоговым результатом поведения объясняется не столько индивидуальным искажением восприятия или воли, сколько взаимодействием нескольких участников гражданского судопроизводства. Здесь ключевое значение имеет самообслуживающая предвзятость (*self-serving bias*), соответствующая категории «ограниченный эгоизм» и экспериментально изученная в серии работ Л. Бэбкок, Дж. Левенстайна, С. Айзачароффа и К. Камерера на модели досудебного урегулирования спора: стороны предсказуемо интерпретируют одни и те же материалы дела в свою пользу в зависимости от заранее известной им собственной процессуальной роли, что систематически затрудняет достижение результата, воспринимаемого обеими сторонами как справедливый¹.

Три выделенных уровня не изолированы друг от друга: как показано в гл. 8 настоящей монографии применительно к судебному доказыванию, эффект фрейминга (когнитивный уровень) формирует исходную интерпретационную рамку восприятия дела, порядок предъявления доказательств (когнитивный уровень) формирует нарративную структуру этого восприятия, а итоговая волевая устойчивость судьи или стороны в уже сформированной позиции (волевой уровень) определяет, будет ли эта структура пересмотрена при появлении новой информации, — притом что весь процесс в конечном счете реализуется во внешне наблюдаемом процессуальном поведении (действенно-результативный уровень), которое одно только и составляет предмет традиционного догматического анализа.

§ 3. Система факторов, детерминирующих процессуальное поведение

Процессуальное поведение детерминировано не одним, а несколькими рядами факторов, среди которых поведенческая теория выделяет правовые, психологические, социальные и организационные факторы, находящиеся в отношениях взаимного усиления или, реже, взаимной компенсации.

¹ Loewenstein G., Issacharoff S., Camerer C., Babcock L. Self-Serving Assessments of Fairness and Pretrial Bargaining // Journal of Legal Studies. 1993. Vol. 22. No. 1. P. 135–159; Babcock L., Loewenstein G., Issacharoff S., Camerer C. Biased Judgments of Fairness in Bargaining // American Economic Review. 1995. Vol. 85. No. 5. P. 1337–1343.